

Замѣтка для журнала Время // Русскій Вѣстникъ. 1861. № 7.
С. 95-98.

ЗАМѢТКА ДЛЯ ЖУРНАЛА *ВРЕМЯ*.

Журналъ *Время*, еще до своего появленія на свѣтъ, объявилъ, что будетъ, не стѣсняясь, чинить судъ и расправу надъ другими журналами. Никто ему не мѣшаетъ въ отправленіи этой многотрудной обязанности. Онъ постановляетъ приговоры, критикуетъ, полемизируетъ какъ ему угодно. Но думаетъ ли онъ, что это право исключительно принадлежитъ ему, и что, напримѣръ, мы не имѣемъ права съ своей стороны упомянуть о журналѣ *Время*?

Мы не имѣемъ претензій учить другіе журналы какъ имъ лучше вести свои дѣла, какія помѣщать статьи, какъ располагать книжки и какими способами придавать изданію возможно большій интересъ. Мы думаемъ, что редакція

каждаго журнала сама знаетъ какъ ей вести свои дѣла, и что можно безъ грѣха уволить себя отъ излишнихъ заботъ по дѣламъ сѣзда. Но объ этомъ щекотливомъ пунктѣ мы предоставляемъ каждому журналу имѣть свое мнѣніе. Если *Время* считаетъ ошибочнымъ нашъ взглядъ на взаимныя отношенія журналовъ между собою, то пусть онъ держится своего взгляда и заботится, въ видахъ общей пользы, объ улучшеніи другихъ журналовъ. Но мы не понимаемъ, какъ при его взглядѣ можно сердиться на всякое замѣчаніе, сдѣланное о немъ въ другомъ журналѣ. Предоставляя себѣ полное право голоса о другихъ, можетъ ли зготъ журналъ сердиться, если другіе заглянуть иногда въ его книжки и скажутъ свое мнѣніе?

Какъ-то, не пускаясь ни въ какія отзывы о самомъ этомъ журналѣ, мы коснулись случайно одной статьи въ немъ, фельетона, гдѣ высказывались престранныя вещи. Мы не знали и не имѣли надобности знать кто авторъ этой статьи, напечатанной безъ подписи, и взяли нѣкоторыя мѣста изъ нея, поразившія насъ своею странностію. Кто захочетъ сравнить эту статью съ нашимъ отзывомъ, тотъ непремѣнно согласится, что отзывъ нашъ не былъ преувеличенъ, и что объ этой статьѣ нельзя отозваться слишкомъ рѣзко. Намъ однако упрекнули въ одной газетѣ за преувеличеніе и излишнюю рѣзкость. Но въ какомъ отношеніи находили наше мнѣніе преувеличеннымъ? Находили, что мы слишкомъ ирочно вообще смотримъ на русскую литературу и придаемъ слишкомъ много значенія ничтожной статьѣ, вида въ ней характеристическую черту цѣлой литературы. По мнѣнію рецензента *Сѣверной Пчелы*, статья эта точно возмутительна своею пошлостію и нелѣпостію; онъ согласенъ, что о ней должно было отозваться, и самъ отзывается въ такомъ же смыслѣ какъ мы. Онъ еще указываетъ на нѣкоторыя другія прелести этой статьи, которыхъ мы не касались, довольствуясь только тѣмъ, на чемъ случайно развернулась книжка. Мы привели только тѣ мѣста, гдѣ авторъ любитъ мошенникомъ и восторгается разбойникомъ. Мы ничего еще не говорили о его безконечной любви къ Плюшкину. Мы не говорили также о томъ, какъ по мнѣнію фельетониста надобно смотрѣть на статую, и куда не показывать пальцемъ. Мы вовсе не хотѣли эксплуатировать эту статью, какъ и вообще не живемъ въ виду эксплуатировать журналъ *Время*. Повторяемъ, что статья эта случайно подвернулась намъ подъ руку и очень можетъ быть, что перелистывая ту же книжку, мы нашли бы въ ней и многое другое не хуже этого фельетона. Мы однако ничего этого не дѣлали, и все преувеличеніе, за которое можно насъ упрекать, состоитъ развѣ только въ томъ, что мы привели этотъ фельетонъ въ связь съ общимъ положеніемъ русской литературы. Мы, можетъ

быть, оскорбили этимъ нашу литературу, нашихъ фельетонистовъ, и фельетонисты дѣйствительно обидѣлись. Мы, значитъ, виноваты передъ ними, но никакъ не передъ журналомъ *Время* и его фельетонистомъ. Еслибы мы хотѣли лично оскорбить этотъ журналъ или его фельетониста, то мы напротивъ должны были бы всю отвѣтственность за странныя мнѣнія, высказанныя въ этой статьѣ, возложить на нихъ однихъ, а не оправдывать ндѣ общимъ состояніемъ нашей литературы. Мы говорили, что типъ хлестаковства господствуетъ у насъ вездѣ. Можетъ-быть мы были не правы, можетъ-быть мы преувеличивали, слишкомъ распространяя сферу этого типа. Но развѣ было бы лучше для журнала *Время* или для его фельетониста, еслибы мы этотъ типъ сосредоточили на нихъ?

И что же, однако? *Время* осыпаетъ насъ укорами и предастъ насъ поруганію за то, что мы осмѣлились коснуться статьи, напечатанной въ этомъ журналѣ. Оно видитъ въ нашей статьѣ признакъ какой-то бессильной, «женской», какъ оно выражается злобы, «литературную истерику». Доказывалъ, что журналы не только могутъ, но и должны судить другъ о другѣ, редакція *Времени* видитъ признаки истерики и злобы въ замѣчаніи по поводу какой-нибудь статьи въ немъ.

Редакція *Времени* упрекаетъ насъ за то, что мы не вышли съ ней на какой-то «прямой и честный бой», а «подкрались сзади, ущипнули и убѣжали прочь». Но какой же это бой предлагала намъ редакція *Времени*? Она оскорблена была тѣмъ, что мы назвали *Египетскія ночи* Пушкина фрагментомъ, и доказывала въ обстоятельной эстетической диссертациі, что это не фрагментъ, а цѣльное произведеніе, комментировала эту піесу и разложила ее на акты. О чемъ же тутъ спорить? Мало ли кто что думаетъ? Какая намъ надобность мѣшать журналу *Время* имѣть свое мнѣніе, не только по этому, но и по другимъ предметамъ?—Далѣе, въ этомъ журналѣ пространно разбиралась одна изъ нашихъ статей. Разборъ этотъ дѣйствительно не отличается ни особенною добросовѣстностью, ни знаніемъ дѣла; рецензентъ находитъ въ статьѣ то, чего авторъ не говоритъ; спутываетъ мысли и факты, и опровергаетъ произведенія собственной фантазіи; но у насъ достаточно своихъ заботъ, и мы не имѣемъ досуга заботиться еще объ улучшеніи критики въ этомъ журналѣ; защищаться же отъ его критики не имѣемъ ни охоты, ни надобности. — Наконецъ, въ этомъ журналѣ встрѣчаются разные отзывы вообще о насъ, благопріятные или неблагопріятные. Какъ объ этомъ спорить? Мы безъ всякаго спора предоставляемъ всякому имѣть о насъ какое угодно мнѣніе. Скажутъ намъ, что мы дурны, — можемъ ли мы отвѣчать: нѣтъ,

мы хороши? И что мы были бы за дикіе, еслибы вздумали принимать бой на такомъ полѣ?

Но съ другой стороны, предоставляя журналу *Время* судить о насъ какъ ему угодно, мы не думаемъ, чтобы намъ было воспрещено сказать когда-нибудь наше слово о томъ, что въ немъ пишется. За что же отнимать у насъ это право? Если вамъ сужденія наши не нравятся, пишите противъ нихъ, браните насъ за эти сужденія, но не бравите насъ за то, что мы позволяемъ себя ихъ высказывать. Редакція *Времени* говорить, что мы коварно ущипнули ее зади; она открываетъ тайну автора того фельетона, котораго мы коснулись; имя этого фельетониста г. Кусковъ. Къ чему все это? Хотѣла ли редакція поскорѣе сложить съ себя ответственность за неподписанную статью? хотѣла ли она, напротивъ, придать авторитетъ этому фельетону? Г. Кусковъ отозвался съ своей стороны письмомъ къ *Русскому Вѣстнику*, въ которомъ вложено еще письмо къ нему отъ какого-то его пріятеля. Благодаримъ его за всѣ любезности, но смѣемъ увѣрять его, что мы, говоря о фельетонѣ, который оказался его произведеніемъ, не имѣли и не могли имѣть въ виду ни его, ни кого-либо другаго, и что намъ рѣшительно все равно, онъ или не онъ писалъ эту статью. Мы говорили вообще, не имѣя въ виду ни чьей личности. Но мы думаемъ, во всякомъ случаѣ, что редакція журнала, въ которомъ онъ пишетъ свои фельетоны, гораздо болѣе оскорбила его лично нежели могли мы, не зная его и не имѣя о немъ никакого понятія. Редакція *Времени* находитъ, что его статья не можетъ быть предметомъ честной полемики: вѣдь это обидно. Она говоритъ, что задѣвъ г. Кускова, мы подкрались къ ней зади и ущипнули ее. Почему же коснуться г. Кускова, значить ущипнуть журналъ *Время* зади? Признаемся, мы не понимаемъ, какъ можно до такой степени грубо относиться о своемъ сотрудникѣ.

ДВА СЛОВА ВЪ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Въ № 182 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* напечатанъ отзывъ г. Г., автора *Философскаго Словаря* на нѣсколько словъ, сказанныхъ по поводу его словаря въ нашемъ журналѣ. Авторъ недоволенъ нашею замѣткой, и можетъ-быть, не совсѣмъ безъ основанія. Мы отозвались объ его трудѣ слишкомъ легко, при случаѣ, мимоходомъ, а не въ особой рецензій, которой онъ заслу-